

УДК 008 (517.3)

Советско-монгольское сотрудничество в области изучения номадизма (по материалам журнала «Современная Монголия»)

С.Г. Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, Россия
zhambalovas@yandex.ru

Статья поступила 22 мая 2018, принята 11.06.2018

В статье на основании публикаций в журнале «Современная Монголия» исследована одна из граней советско-монгольского сотрудничества в 1930-е гг. — изучение монгольского номадизма рядовыми советскими учеными. Автор акцентирует внимание на общей картине кочевой экономики, ее локальных проявлениях и принципиальных технологических основах номадизма, обосновывающих ее целесообразность в экологической нише Монголии. Актуальность статьи обусловлена практическим значением, которое имеет трансляция традиционных технологий на посткоммунистическом пространстве для народов Сибири.

Ключевые слова: Россия; Монголия; сотрудничество; изучение; номадизм; технология.

Soviet-Mongolian cooperation in the field of nomadism (based on the magazine "Contemporary Mongolia")

S.G. Zhambalova

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia

zhambalovas@yandex.ru

Received 22 мая 2018, accepted 11.06.2018

In the article on the basis of publications in the magazine "Contemporary Mongolia" one of the aspects of the Soviet-Mongolian cooperation in the 1930s, namely, the study of Mongolian nomadism by ordinary Soviet scientists was investigated. The author focuses on the general picture of the nomadic economy, its local manifestations and the fundamental technological bases of nomadism, which justify its expediency in the ecological niche of Mongolia. The relevance of the article is conditioned by the practical significance, which has the translation of traditional technologies in the post-communist space for the peoples of Siberia.

Keywords: Russia; Mongolia; collaboration; learning; nomadism; technology.

Введение

Статья посвящена исследованию одной из малоизвестных граней советско-монгольского сотрудничества — изучению рядовыми советскими учеными специфики монгольского экстенсивного кочевого скотоводства. В монгольских экспедициях первой трети XX в. под руководством выдающихся ученых Советского Союза работали специалисты, чьи научные результаты публиковались в малотиражных журналах 1930-х гг.,

сегодня недоступных широкому кругу читателей. Результаты исследований были необходимы для обоснования путей развития экономики молодого монгольского государства. Они зачастую малоизвестны, их вклад в изучение Монголии до настоящего времени не оценен объективно.

В данной статье исследуются публикации о кочевом образе жизни из журнала «Современная Монголия», выполненные согласно договорам о международном научном со-

трудничестве в период политического и социально-экономического переустройства Монголии в 1930-е гг. Данную тему актуализирует политика укрепления российско-монгольских отношений в XXI в., актуально также возрождение имен забытых ученых, чьи публикации отчасти вошли в крупные научные работы общего характера. Очевидно также и то, что введенные в широкий научный оборот публикации будут способствовать дальнейшему исследованию номадизма на новых, сегодня уже нередко недоступных достоверных источниках. Немалая часть современного российского населения, проживающего в трансграничье с Монголией (Бурятия, Тыва и др.), выживает за счет скотоводства. Это углубляет актуальность трансляции во времени и пространстве зафиксированных советскими рядовыми учеными традиционных технологий ведения экстенсивного кочевого скотоводства в условиях сухих степей Центральной Азии.

В библиотеке Бурятского научного центра СО РАН хранятся 13 номеров журнала «Современная Монголия» с 1933 по 1936 гг. Благодаря сплошной нумерации видно, что выпущено 18 номеров, последний, посвященный 15-летию Монгольской революции, сдвоен (№ 17-18). Журнал издавался на русском языке по инициативе советского клуба им. Ленина в Улан-Баторе для специалистов, не владеющих монгольским языком. Задача журнала — дать положительные знания для изучения МНР — исключала «возможность использования его страниц для не деловых дискуссионных целей» [1, с. 3]. Одно из главных мест в публикациях занимали проблемы кочевого хозяйства, его экономическая емкость, перспективы, возможности модернизации. Объективно отмечалось: «МНР — страна кочевого скотоводческого хозяйства. Знать систему этого хозяйства — первое и необходимое условие для людей, желающих быть полезными новой, современной Монголии <...> Нынешний этап строительства Монголии заключается <...> в первую очередь в укреплении аратского скотоводческого хозяйства и поднятии материального уровня населения» [1, с. 3].

Российско-монгольское и советско-монгольское научное сотрудничество оставило глубокий след в истории науки. Результаты исследований крупных экспедиций под руководством выдающихся российских ученых вошли в мировую сокровищницу востоковедения. Историография сотрудничества огромна, она проанализирована многими исследователями, один из обзоров представлен в монографии Т.И. Юсуповой [2]. В.В. Митин в статье, посвященной этнографическим исследованиям Монгольской комиссии, на самом деле пишет об археологических, филологических изысканиях. Этнографических работ, в том числе о кочевом скотоводстве, в этом обзоре нет. При этом автор отмечает, что этнографические исследования комиссии до сих пор освещены и оценены недостаточно [3, с. 18].

Удалось найти разрозненные факты биографии С. Азарова, автора актуальных статей «Животноводческая техника кочевого хозяйства» и «Кочевое животноводство горбийских аймаков» [4; 5]. По всей видимости, автором является профессор Семен Георгиевич Азаров. В книге, посвященной 80-летию юбилею Всесоюзного научно-исследовательского института животноводства (1929), в списке руководителей института, внесших большой вклад в развитие зоотехнической науки, есть С.Г. Азаров, бывший директором в 1937–1938 гг. [6, с. 12]. В историографических обзорах диссертаций, защищенных в XXI в., обнаружены ссылки на две его работы о крупном рогатом скоте (КРС). В интернете есть следующие сведения об С. Азарове: зоотехник (МСЗ), профессор, участник работ Хангайской экспедиции Комитета наук и МСЗ МНР 1933 г. под руководством А.Д. Симукова.

Последняя информация основана, скорее всего, на кратких примечаниях А.Д. Симукова об С.Г. Азарове, который не являлся постоянным членом возглавляемых им экспедиций. Из отчета о полевой работе 1933 г. следует: «Кроме того, в этом же районе, но большей частью отдельно, пробыл несколько дней зоотехник С.Г. Азаров (МСЗ). Работа — общее исследование скотоводства» [7, с. 459]. Аббревиатура МСЗ, как выяснилось,

означает «министерство скотоводства и земледелия» МНР. Действительно, в Монгольской комиссии, под эгидой и при материальной поддержке МСЗ МНР, Ученого комитета Монголии и Монгольского центрального народного кооператива по особым планам, работал животноводческий отряд, возглавляемый сотрудником Института генетики, профессором Я.Я. Лусом [2, с. 131]. Отряд выполнял особо важные задачи — главная ставка в экономическом развитии Монголии была сделана на кочевое скотоводство. Им предстояло «изучение природной и социальной обстановки монгольского скотоводства, его техники и экономики» для его рационализации «при сохранении кочевого принципа как основного технического принципа скотоводства» [2, с. 146].

Для научной работы в Монголии привлекались сотрудники многих научных учреждений СССР, в том числе Института животноводства ВАСХНИЛ. Из отчета А.Д. Симукова следует, что С.Г. Азаров и В.Г. Успенский провели «общее зоотехническое обследование с изучением методов скотосодержания, сбором данных по сенокосению и по зимним *хашианам*» [7, с. 460]. Согласно договору, весь необработанный материал экспедиции сдавался Симукову для обработки, в которой должен был принять участие профессор Азаров [7, с. 460, 461]. Это обстоятельство объясняет широту и достоверность источников, которыми оперирует С.Г. Азаров в своих статьях — в работах зафиксированы важные, сегодня малоизвестные этнографической науке нюансы технологии кочевого скотоводческого хозяйства.

В одной из крупных работ А.Д. Симуков отмечает, что материалы по технике разведения скота заимствованы им из работ профессоров Я.Я. Луса и Азарова, опубликованных во 2-м и 5-м номерах журнала «Современная Монголия» за 1933 г. [8, с. 308]. Из сравнительного анализа текстов видно, что речь идет о статьях С.Г. Азарова, рассматриваемых в данной статье. Во 2-м томе трудов А.Д. Симукова к статье «Материалы по кочевому быту населения МНР», опубликованной ранее (1935) в «Современной Монголии», также имеется примечание о том, что

эта тема рассматривалась в журнале другими авторами, в том числе Азаровым [9, с. 452]. Это позволяет констатировать факты включения результатов исследований отдельных специалистов в более крупные обобщающие труды руководителя экспедиции. Однако это обстоятельство не сделало общераспространенными данные о монгольском нomaдизме — работы репрессированного А.Д. Симукова многие десятилетия были малодоступны. Собрание его сочинений издано в 2007 г. в Японии.

Данных о М. Шихине и Я. Колосове найти не удалось. Следующий автор журнала — Антон Романович Жебрак, советский генетик и селекционер, академик АН БССР (1940), с мая по ноябрь 1947 г. — президент АН БССР. Опубликовал 70 научных работ, в числе которых 3 монографии. В 1933 г. он совершил экспедицию в МНР, где собрал коллекцию дикорастущих степных кормовых трав [10].

В электронных ресурсах выявляются два человека, которые могли быть авторами статей, подписанных Т. Трофимовым. Первый, Тит Трофимович Трофимов, — выпускник Московского института инженеров земли (1926) и биологического факультета МГУ им. Ломоносова (1937), кандидат биологических наук. С 1951 г. в течение 20 лет заведовал дендрарием Ботанического сада МГУ на Воробьевых горах. В эти же годы изучал и селекционировал облепиху [11]. Исследователь Монгольской комиссии АН СССР Т.И. Юсупова пишет об экономисте-аграрнике, сотруднике Института экономики Госплана Тите Трофимовиче Трофимове, которому в 1931 г. было поручено провести ревизию научной деятельности по изучению Монголии с точки зрения «полезности» для народного хозяйства страны. Критерием оценки была возможность практического использования полученных выводов для хозяйственного развития Монголии. Он проделал огромную работу по экспертизе отчетов с 1925 по 1930 гг. и показал понимание научных проблем, логическую последовательность в изложении материала, аргументированность оценок. В то же время, он абсолютно не понимал методической сути экспедиционно-

собирающей работы [2, с. 136–138]. Эти краткие данные о двух ученых близких профессий не позволяют определить, кто из них является автором статей, в содержание которых вкраплены устные рассказы информантов, а также массивы полевых наблюдений, что свидетельствует о качественной полевой исследовательской работе.

Сведения о М.И. Тубянском доподлинны. Т.И. Юсупова пишет, что кроме экспедиционных отрядов Монгольская комиссия АН СССР в 1927 г. командировала в Монголию сотрудника Азиатского музея М.И. Тубянского для исследования быта монголов по материалам монгольских монастырей и тибетской философской и научной литературы. Основанием для командировки было его знание, помимо индийских языков, монгольского, китайского и тибетского [2, с. 92, 93]. Михаил Израилевич Тубянский, (1893–1937), индолог, тибетолог, монголовед, ученик Ф.И. Щербатского и Б.В. Владимирцова. В Монголии проживал с 1927 по 1936 гг., сотрудник полпредства СССР, в 1930–1936 гг. — ученый секретарь Учкома МНР. За это время выполнил ряд работ по тибетологии и монголоведению, собрал богатые материалы по истории индийской философии. После возвращения на родину был сотрудником Института востоковедения АН СССР. Арестован 12 августа 1937 г., 19 сентября приговорен ОСО при НКВД СССР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 24 ноября 1937 г. [12]. В журнале опубликованы четыре статьи А.Д. Симуква, которые не будут рассматриваться здесь. Его наследие по изучению Монголии огромно, недавно, как уже отмечалось, опубликовано собрание сочинений. В целом ряду публикаций о нем, появившихся в последнее время, есть также моя статья.

Краткий обзор биографических данных авторов, публиковавшихся в журнале «Современная Монголия», свидетельствует о том, что для исследования экстенсивного кочевого скотоводства Монголии Советский Союз направлял квалифицированных специалистов. Работа в Монголии была одной из вех их научной деятельности.

Анализ доступных номеров журнала показывает, что в каждом номере за 1933 и 1934 гг. представлены одна или две статьи о кочевом скотоводстве, в первом номере за 1933 г. — статья М. Шихина и Я. Колосова «Скотоводство МНР» [13], во втором — статья С.Г. Азарова [4], в третьем — А. Жебрака [14]. Редколлегия журнала для изучения кочевого хозяйства и более подробного освещения жизни монгольских кочевников дважды поместила «описание отдельных кочевых хозяйств» Т. Трофимова [15; 16]. С. Лебединский писал о природных условиях монгольского скотоводства [17]. Статья М. Тубянского о кочевничестве помещена «в порядке обсуждения» — некоторые положения показали редколлегия спорными [18]. В выпусках журнала за 1935 г. статей по исследуемой теме не обнаружено. В 1936 г. опубликована статья А. Мелешко «в порядке обсуждения» изданной ранее статьи М. Тубянского [19]. В двух следующих номерах также имеются его статьи [20; 21]. В 1936 г. М. Тубянский опубликовал еще одну статью [22]. В журнале опубликовано переведенное на русский язык сообщение «Кочевки» монгольского автора Цэбэля [23].

Таким образом, в рассмотренных номерах журнала представлено 16 публикаций о кочевом скотоводстве. Статьи первых номеров за 1933–1934 гг. фактологически наиболее насыщены, последние рассматривают итоги модернизации, и они идеологизированы. Статьи написаны на полевых материалах с привлечением солидных статистических данных и рассматривают как в целом всю Монголию, так и отдельные ее районы, а также все грани технологии скотоводческого хозяйства, включая производство молочных продуктов. Их введение в широкий научный оборот позволит по-новому оценить номунизм, закрыть имеющуюся лауну в изучении технологии кочевничества и может иметь практическое значение.

Локальные природно-климатические зоны Монголии. Каждый исследователь обратил внимание на наличие локальных природно-климатических зон. М. Шихин и Я. Колосов создали целостную картину каждой из 3-х выделенных зон. При характери-

стике лесостепной, расположенной в северной части страны, они отмечают наибольшее количество атмосферных осадков, сравнительно хорошие сенокосные угодья, пастбища, реки, леса. Это детерминирует развитие сенокосения, строительство стаек и загородок (*хашанов*), земледелие, промыслы. Кочевая, полукочевая и оседлая формы скотоводства, развитые в зоне, соответствуют национальному составу населения: русские и китайцы — оседлые; чахары и буряты ведут полукочевой образ жизни, кочуя 2 раза в год с летника на зимники; монголы ведут кочевое хозяйство, перекочевывая в среднем 4 раза в год. В хозяйстве ведущее место занимает КРС, остальные виды имеют подчиненное значение, верблюдов мало [13, с. 6]. Как видно, находясь в равных условиях, монголы, в отличие от бурят и чахаров, ведут кочевой образ жизни, пусть и с минимальным для такого образа жизни числом кочевков.

Во второй, центральной зоне, переходной от северной лесостепной к южно-гобийской, отмечаются отсутствие леса, недостаток сенокосных угодий, разреженность водопоев для скота, пестрота почв, сравнительно редкий и низкий растительный покров, частые засухи, а значит, нередкие бескормицы. Однако высокие кормовые качества растений способствуют хорошему нагулу скота. Видовой состав скота развит равномерно. Население ведет кочевой образ жизни, в годы с большими снегами и сильными летними засухами сдвигает кочевки в соседние зоны. Здесь чаще наблюдаются большие падежи скота от бескормицы и *шурганов*. Земледелия почти нет [13, с. 7].

Третья, гобийская зона занимает всю южную и юго-восточную полосу страны и имеет резко выраженные особенности: острый недостаток атмосферных осадков, жаркое, все иссушающее лето, полное отсутствие леса. Это выраженная полупустыня с редкой низкорослой растительностью, которая то исчезает, то появляется. Скотоводы в поисках кормов совершают частые большие перекочевки. Качество гобийских кормов высокое. Сильные ветра, песчаные бури, весенние ураганы, маловодье, жесткость кор-

мов способствовали тому, что до 60 % верблюжьего поголовья страны сосредоточено здесь. За ним следуют овцы и козы, КРС. Лошадей мало. Земледелие полностью отсутствует [13, с. 7, 8]. Средние показатели обеспеченности скотом на одно хозяйство здесь самые высокие [5, с. 55]

В Монголии есть специальные определения характера пастбищ, независимо от его географической локализации. Например, в примечании к статье Цэбэля редакция журнала отмечает, что слова «хангай» и «гоби» являются не только географическими наименованиями. Хангаем называют также территорию, обильную кормами, водой, лесом, независимо от ее местонахождения. Гоби, или гобийскими, нередко называют места, бедные кормами и водой, независимо от их расположения [23, с. 27, 28]. Как видно, географические названия приобрели нарицательное значение.

Исследователи согласны с заключением экспедиции Витте 1915 г. о том, что «использование пространств Монголии скотоводством номадного типа можно считать самым рациональным», способным обеспечить полную хозяйственную эксплуатацию всей территории страны [цит. по: 13, с. 9]. В XXI в., как известно, скотоводству составляет конкуренцию добыча полезных ископаемых, в изобилии залегающих в степи. Это наносит огромный ущерб степной экосистеме, практически уничтожает ее. В таких условиях сохранение номадного скотоводства в современном мире имеет, помимо экономического, еще и экологическое значение как единственный вид хозяйственного освоения территории, не только не наносящий вреда, но и полезный для развития степной экосистемы.

Принципы коллективного кочевания. Монголы кочуют сообществами (*хотон*) из нескольких семей (*аилов*), «объединяя воду и корм» для поочередного выпаса скота в общих стадах по видам животных. Объединение облегчает уход за скотом: араты помогают друг другу при перекочевках, стрижке овец, валке кошм и других работах. В разных зонах вырисовывается разная картина. Размеры сообщества зависят от возможно-

стей пастбищ и количества скота у его членов. Богатые объединяются в группы от 3 до 10 айлов, малоскотные объединяются большим числом. С большими стадами кочуют чаще из-за быстрого stravливания кормов [23, с. 28, 29].

Принципов объединения несколько, это родственные или дружеские отношения, сотрудничество опытных скотоводов с начинающими, богатых с бедными. С.Г. Азаров выделяет три основных типа социальных отношений номадов: 1) объединение независимых в экономическом отношении кочевников с равным количеством скота; 2) объединение 1–2 зажиточных и нескольких бедняцких юрт; 3) объединения смешанного типа, где собираются юрты с разным поголовьем скота. Зажиточные помогают беднякам, предоставляя волов или верблюдов для перекочевков, лошадей для поездок, молочные продукты для консервирования на зиму. Бедняки обрабатывают во время стрижки овец, валке кошм, пастьбе скота и др. Летом и осенью *хотон* кочует в полном составе, зимой он дробится. Трудность пастьбы в зимнее время заставляет кочевать небольшими группами. В годы засухи или много-снежья скотоводы кочуют отдельно в поисках подножных кормов для скота [4, с. 24]. Во 2-й зоне, в Ара-Хангайском аймаке в *хотоны* объединяются летом по 6–7 юрт. В Гоби из-за низкой производительности пастбищ наблюдается обратная картина – летом кочуют индивидуально, а зимой объединяются по 2–3 юрты [5, с. 56, 57]. Т. Трофимов считает, что объединения кочевников встречаются только летом и осенью, в годы с хорошим травостоем, в удойный период. Зимой и весной их нет. Объединения кратковременны и малоустойчивы. Наиболее устойчиво объединение для совместного выпаса мелкого скота. Существует порядок размещения юрты в *хотонах*. Наиболее почетна юго-западная сторона, затем – параллельная ему юго-восточная. Сын не мог ставить юрту впереди юрты отца, самый бедный ставил ее позади всех [15, с. 43].

Сезонные кочевки. Цэбэль выделяет 12 причин кочевого способа содержания скота: природно-климатические, технологические,

биологические, экологические, социальные, санитарные и др. В результате адаптации к экологической нише проживания сложилась особая технология кочевого хозяйства. Оптимальные посезонные места стоянок выбираются с позиций комфорта для людей и скота, качества пастбищ и водопоев. Весной селятся там, где трава всходит раньше (*сop*), а осенью – где она остается дольше (*сyль*). В разное время года скоту требуются разные виды кормов и наличие солончаков (*хучжи-ра*). Перекочевывают для объединения в *хотоны* или для выхода из него, из-за загрязнения почвы навозом. В тяжелые годы частота кочевков увеличивается, маршруты удлиняются. Они бывают по 10, 15, 30, 60, 100, 200 и более километров. Причиной кочевки могут быть смерть человека, падеж скота, эпизоотии, появление насекомых, эпидемии [23, с. 28, 29; 4, с. 25].

Имеется определенная система кочевков. Каждая юрта или *хотон* имеют пастбища, маршрут кочевков относительно постоянен. При четырехразовом кочевании переезжают весной с молодняком на защищенные от холодных ветров и близкие к воде весенники, затем – на летники, на луга с хорошими пастбищами, осенью, для защиты от мошки и овода, – на открытые прохладным ветрам осенники, затем – на зимники на южных склонах гор, защищенных возвышенностями от северных и северо-восточных ветров или по опушкам лесов и в приречных зарослях по поймам рек [13, с. 9]. Цэбэль пишет, что хангай богатый, кочевков бывает от 4 до 10 за год на расстояние, в среднем, 15 км. Здесь травы высокие, обильные, крепкие, по питательности уступающие гобийским. Лето проводят в долинах рек, где есть сочные корма и прохладно. Поздней осенью удаляются от воды в места с поздней травой (*сyль*) на высоких гористых местах. Зимник ставится вблизи деревьев, в местах, защищенных от ветра горами или скалами. Для него выбирают место с высокой и крепкой травой, со скоплением снега, необходимого для добычи воды людям и скоту. Весной переселяются на открытые места, где сохранилась питательная трава. Некоторые гобийские айлы весной перекочевывают в хангай, а

поздней осенью возвращаются в гоби. Другие все время проживают в гоби. Летом пользуются водой из колодцев, а зимой — снегом. Трава в гоби низкая и редкая, ее немного, поэтому кочевков здесь больше — до 10 раз в год на расстояние до 100–200 км. Из-за солончаков гобийские травы питательнее хангайских. Погодные условия гоби благоприятны для скотоводства, но недостатком является отсутствие воды и деревьев [23, с. 27, 28].

В годы стихийных бедствий кочуют далеко за пределами своих пастбищ. Летом и осенью кочуют реже, стоят от 3-х недель до 2-х месяцев, зимой — чаще и на дальние расстояния. При больших стадах или плохих пастбищах кочуют чаще, и наоборот. Радиус кочевков зависит от особенностей района, качества пастбищ, количества скота, его видового состава, характера зимних пастбищ и обеспечения водой. Дальние кочевки доступны хозяйству, где много людей, скота, средств передвижения [4, с. 25]. Постоянное наличие кизяка для обогрева юрты и приготовления пищи, который заготавливается впрок, позволяетномадам кочевать в безлесных местах и осваивать всю территорию страны. Кочевники считают кизячный дым более привычным и приятным, чем древесный [4, с. 25, 26]. Действительно, путешественники и этнографы считают, что «кизяк, сгорая, дает удивительно приятный дым, отдаленно напоминающий ладан» [24].

Некоторые приемы экстенсивного кочевого скотоводства. Экстенсивное кочевое скотоводство базируется на круглогодичном содержании скота под открытым небом на подножном корму. Такая технология обусловлена рядом объективных причин, шесть из которых выявлены С.Г. Азаровым. Монголы, несмотря на предписания, не развивают сенокосение и не строят закрытые загоны (*хашан*) из-за их нецелесообразности. Они не знают, будут ли зимовать постоянно в одном месте, где построен загон: по обычаю, при обильных снегопадах или засухе они имеют полное право гнать скот на доступные для скота пастбища, в которых никто не может им отказать. Большинство скота гибнет от снежных буров (*шур-*

ган), а не от недостатка корма. В обычные годы подножного корма всегда хватает, подкормка нужна только в редкие тяжелые годы. Во время бурана нет возможности доставить даже имеющееся сено к месту стоянки. Содержание скота в закрытом загоне изнеживает скот, в кочевых условиях такое содержание недопустимо, так как выносливость скота имеет важное значение для номадизма. Подкормка сеном требует поения скота водой, которую зимой трудно добыть, а на подножном корму скот обходится снегом. При подкормке сеном бывает расстройство пищеварения из-за попадания в него ядовитых или послабляющих трав. С.Г. Азаров находит такие доводы объективными, поэтому он считает, что оседание кочевников в ближайшее время «нереально и фантастично» [4, с. 28, 29]. Действительно, все приведенные обоснования экстенсивного кочевого скотоводства в сухих степях Монголии объективны и, на мой взгляд, составляют саму суть номадизма. В этнографической литературе на эти обстоятельства редко обращают внимание.

Араты знают свойства пастбищ и порядок их использования по сезонам года для определенных видов скота. КРС выпасают на сырых лугах, овец и коз — на сухих. Высокогорные пастбища с мелкокустовыми злаками дают более вкусное мясо и жир. Есть пастбища, на которых скот нагуливают перед зимовкой. Используют солонцовые пастбища, при их отсутствии ставят животным соль-лизунец. Правила посезонного использования пастбищ определяют маршрут кочевков. Свободно пасущийся скот пьет воду, когда захочет. Лошадей и овец, которых обычно пасут, в жаркое время поят 2 раза, осенью — 1 раз. Зимой снег заменяет воду, поэтому скот не поят.

Уход за овцами обусловлен их зоологическими особенностями. Для регуляции окота баранов-производителей с мая пасут отдельно, в стадо пускают в конце сентября — начале октября, чтобы массовый окот пришелся на март. Баранчиков кастрируют в возрасте от 2-х недель до 2-х месяцев. В случае ранней половой активности баранам подвязывают фартуки, препятствующие по-

крытию маток. Ярочки идут в случку с полутора лет. Летом, в период дойки, овец ягнят для дневной пастьбы отдают в соседний *хотон* — чужие матки не подпускают их к себе [11, с. 42].

Получение приплода — важная статья дохода, а яловость и выкидыши приносят большой убыток. Скотоводы уделяют этому особое внимание. Жеребцы и быки круглый год ходят с матками. Случка не регулируется, жеребята появляются в мае. У коров отел в основном весной, у сарлыков — весной, иногда зимой. У КРС репродуктивный возраст наступает около 2,5 лет, у лошадей — с 3-х, реже с 4-х лет. Араты заботятся о животных, особенно о беременных, устраивают подстилки из сухого овечьего навоза, чтоб не лежали в моче, чистят стоянку. Животные, за исключением экстренных случаев, рожают самостоятельно [4, с. 32, 33].

Другая часть дохода кочевого хозяйства — получение молока. Монголы доят всех животных, кроме верблюдов. Коровы доятся полгода с первого дня отела с подпуском теленка. Двухразовую дойку к концу лактации доводят до одного раза. Овец доят не сразу, дожидаются, когда ягнята выйдут на подножный корм. Доят их 2 раза в день 3 месяца, с июня по август, малообеспеченные — до полугода. За 2 недели до конца срока доят 1 раз в день. Ягнят в это время пасут отдельно, подпуская к маткам в первое время 2 раза, а затем — 1 раз в день. В начале сезона дойки им позволяют пастись с матками 1–2 часа после вечерней дойки. Кобылиц доят от 3 до 5 месяцев 5–6 раз в день. Ночью жеребята пасутся с матками, утром их отделяют и привязывают на целый день, подпуская к матери во время дойки. При дойке одни хозяева оставляют молодняку больше молока, другие — меньше. У первых молодняк вступает в зиму рослым, упитанным, выносливым [4, с. 33, 34]. Полученное в летнее время молоко перерабатывается, полученный кисломолочный продукт замораживается и является основой питания в зимнее время.

Технология выживания во время стихийных бедствий. Основную угрозу экстенсивному ведению кочевого хозяйства

представляют природные стихийные бедствия, они наносят бóльший урон, чем эпизодии. В литературе к ним обычно относят засуху (*ган*) и обильные снегопады (*цзуд*). Однако этот список шире. С.Г. Азаров выявил, что наибольший падеж вызывают сухие и мокрые снежные бураны (*шурганы*), продолжающиеся 3–4 дня. Более опасны они в конце зимы и весной: скот уже истощен и малосилен. Наибольший урон приносят мокрые *шурганы*: снег тает, животные облепляются толстым слоем и без подкормки застывают от холода. Во время окота *шурганы* вызывают большие потери ягнят и выкидыши на последнем сроке. Гибель скота от гололедицы — бич многих районов, однако в некоторых она встречается редко, например, в Ара-Хангайском. Здесь гололедица была в конце XIX в. и вызвала сильный падеж скота [4, с. 26, 27]. Бураны бывают ежегодно, но падеж происходит при многодневных мокрых буранах. Если во 2-й зоне наиболее опасны весенние бураны, то в 3-й зоне, в Гоби, опасен период с конца ноября до половины января. Здесь с конца января скот находит корм на пригретых солнцем, подтаявших южных склонах. Весной, во время сильных песчаных буранов, животных сечет песок, мелкие камни, но массового падежа от этого не бывает, пропадает немного слабого скота [5, с. 59, 60].

Араты предпринимают меры борьбы со стихийными бедствиями. Во время буранов скот удерживают возле юрты и защищают от ветра с помощью слег, досок, телег, кошм и пр. Недалеко от стойбища делают снежные валы, задерживающие летящий снег. Укрывают скот под скалой. Есть методы пастьбы скота в это время. Опытный пастух, предвидя буран, пасет с таким расчетом, чтобы ветром пригнало стадо прямо к юрте. Если не удастся его удержать или укрыть, то ветер угоняет его, и падеж увеличивается, особенно среди овец и КРС. Молодняк заносит в юрты, отпаивают чаем, прикармливают [4, с. 27, 28]. Взрослые верблюды меньше всего страдают от снежных буранов [11, с. 59, 60].

От обильных снегопадов скот гибнет меньше, в этом случае погибают больше коровы, чем лошади и овцы. Сарлыки вынос-

ливее коров, а лошади и овцы легче добывают себе корм из-под снега. При наличии лошадей зимовка проходит легче. Есть практика пастьбы КРС за лошадьми, которые умеют хорошо разгребать снег копытами. Это немного снижает падеж коров. Однако большие снегопады опасны тем, что вызывают бураны, *шурганы*. При обильном снеге животные, несмотря на потерю веса из-за трудоемкости добычи корма, могут выжить, но *шурганы* добывают ослабевших животных. В 1931–1932 гг. в районе Эрдэни-Дзу падеж доходил до 50 %. Особенно тяжелым бывает год, когда многоснежным зима предшествует засуха и нет урожая травы. Наибольший падеж приходится на годы, когда летняя засуха, многоснежная зима и весенние бураны следуют друг за другом [4, с. 27, 28].

Во время *цзуда* ищут малоснежное место, как бы далеко оно ни было. Идут прямым путем на 200–300 и более километров. Некоторые идут со всей семьей и скотом, другие, отобрав сильный скот, отправляют стада и отары с пастухами на поиски кормов, а слабый оставляют на месте с частью семьи. Иногда для перегона объединяются несколько семейств. Сенокосение, даже в районах, где практикуется, имеет минимальные размеры, сена хватает для подкормки и поддержания только молодняка и больных, которые не в состоянии пасти [23, с. 29].

С.Г. Азаров отмечает, что длинные перекочевки более доступны зажиточным людям, они успешнее противостоят стихиям — у них больше возможностей найти лучшие пастбища и добраться до них. На длинные расстояния кочевать легче с лошадьми и крупным скотом, чем с овцами и козами. С табуном, иногда из нескольких *хотонов*, специальные погонщики отделяются и уходят на значительные расстояния [4, с. 26]. Известно, что один хозяин после бурана нашел своих угнанных ветром лошадей за тысячу километров [5, с. 60]. Эти материалы свидетельствуют о технологической возможности дальних переходов кочевников со скотом. Они подтверждают возможность кочевков бурят с одного побережья оз. Байкал на другое, что сегодня

многим кажется невозможным. Между тем, подобные факты имели место в истории бурят. Об этом свидетельствуют архивные данные, введенные в научный оборот Е.М. Залкиндом [25, с. 166]. Экстренные кочевки в некоторых случаях осуществлялись семьей в полном составе, со всем скотом. Другие, отобрав сильный скот, отправляют его на поиски кормов, а слабый оставляют на месте с частью семьи. Иногда для отправки объединяются несколько семейств.

Выводы

В 1930-х гг. советско-монгольское сотрудничество в области изучения экстенсивного кочевого скотоводства носило наиболее масштабный характер в истории науки, что было обусловлено задачами политического и социально-экономического переустройства Монголии. Квалифицированные специалисты провели обширные полевые исследования во многих регионах страны, что позволило им создать общую картину хозяйства, выявить его локальные проявления, рассмотреть отдельные хозяйства, собрать статистические данные, определить динамику развития скотоводческого хозяйства, сделать прогнозы. Они создали достоверную картину принципиальных основ номадизма, охарактеризовали феномен во всей его широте. Уникальность материалов обусловлена тем, что в 1930-е гг. в Монголии кочевой образ жизни, еще не подвергшийся активной модернизации, сохранялся в его классическом воплощении. Основные результаты исследований сосредоточены в русскоязычном журнале «Современная Монголия», сохранившем уникальные материалы в качестве достоверных источников для дальнейшего исследования номадизма. В данной статье удалось отразить только часть изученных специалистами вопросов — это локальные зоны кочевого скотоводства в Монголии, принципы коллективного кочевания, специфика сезонных кочевков, некоторые приемы ведения экстенсивного кочевого скотоводства, технология выживания во время стихийных бедствий. Введение материалов в широкий научный оборот выявляет многие новые нюансы, обосновывающие целесообраз-

ность экстенсивного кочевого скотоводства в экологической нише Монголии, которая сохраняется в современном модернизирующемся мире.

Литература

1. Задачи и программа журнала «Современная Монголия» // Современная Монголия. Улан-Батор: издание Ленклуба. 1933. № 1. С. 3-4.
2. Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925 – 1953 гг.). СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2006. 280 с.
3. Митин В.В. Этнографические исследования Монголии в деятельности Монгольской комиссии АН СССР // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2009. № 52. С. 18-20.
4. Азаров С.Г. Животноводческая техника кочевого хозяйства // Современная Монголия. 1933. № 2. С. 23-41.
5. Азаров С.Г. Кочевое животноводство гобийских аймаков // Современная Монголия. 1934. № 2 (5). С. 54-69.
6. ВИЖу - флагману зоотехнической науки - 80 лет // ВИЖ – флагман зоотехнической науки. Дубровицы, 2009. 236 с.
7. Симуков А.Д. Краткий предварительный отчет о полевой работе 1933 года // Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 3 (1). Осака: Гос. музей этнологии, 2007. С. 458-466.
8. Симуков А.Д. Общая, физическая и экономическая география МНР Географический очерк Монгольской Народной Республики // Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. С. 137-642.
9. Симуков А.Д. Материалы по кочевому быту населения МНР // Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 2. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. С. 452-470.
10. Антон Романович Жебрак. Биография. [Электронный ресурс]. URL: <http://biofile.ru/bio/4128.html> (дата обращения: 16.04.2018).
11. Трофимов, Тит Трофимович [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Трофимов,_Тит_Трофимович (дата обращения: 17.04.2018).
12. Тубянский, Михаил Израилевич. [Электронный ресурс]. URL: https://vostokoved.academic.ru/586/ТУБЯНСКИЙ%2С_Михаил_Израилевич (дата обращения: 16.04.2018).
13. Шихин М., Колосов Я. Скотоводство МНР // Современная Монголия. 1933. № 1. С. 5-26.
14. Жебрак А. Пути и методы интенсивного кочевого животноводства МНР // Современная Монголия. 1933. № 3. С. 3-18.
15. Трофимов Т. Хангайские кочевья // Современная Монголия. 1934. № 1 (4). С. 36-53.
16. Трофимов Т. Кочевые скотоводческие хозяйства // Современная Монголия. 1934. № 2 (5). С. 70-86.
17. Лебединский С. Очерк природных условий монгольского скотоводства // Современная Монголия. 1934. № 1 (4). С. 54-69.
18. Тубянский М.О кочевничестве // Современная Монголия. 1934. № 4 (7). С. 31-39.
19. Мелешко А. Вопросы кочевничества // Современная Монголия. 1936. № 1 (14). С. 3-23.
20. Мелешко А. Мероприятия по улучшению скотоводства в гобийской зоне // Современная Монголия. 1936. № 2 (15). С. 57-67.
21. Мелешко А. Некоторые итоги по скотоводству МНР за 15 лет // Современная Монголия. 1936. № 4 (17) – 5 (18). С. 22-29.
22. Тубянский М. К вопросу о пастбищном зимовании скота в МНР (Проблемы рационализации кочевничества) // Современная Монголия. 1936. № 4 (17) – 5 (18). С. 151-168.
23. Цэбэлъ. Кочевки // Современная Монголия. 1933. № 1. С. 27-31.
24. Кизяк [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кизяк> (дата обращения: 21.05.2018).
25. Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 1958. 318 с.